

Александр Ходачек: «Нужно научиться считать деньги и в рамках семейного бюджета, и в рамках своих организаций»

По прогнозам российских и зарубежных аналитиков экономика России в 2015–2017 годах будет находиться в условиях высокой неопределенности, неопределенность сохранится и в отношении динамики цен на нефть и другие энергоресурсы. Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) в текущем году оценил рост российской экономики как нулевой с предыдущих ожиданий в 2,5%. По расчетам аналитиков банка в 2015 году экономика РФ вырастет всего на 0,6%.

В прогноз социально-экономического развития России в 2015–2017 годах Центральный банк России (ЦБ) заложил стрессовой (шоковый) сценарий на эту трехлетку, который рассчитан на предположительно резкое падение цены на нефть порядка \$60 за баррель. Министр минэкономразвития Алексей Улюкаев отметил, что очень высоки риски превышения инфляции 9 и более процентов.

*«Алексей Улюкаев в одном из своих выступлений эмоционально назвал экономику страны «гремучей и взрывоопасной». Ухудшение экономической ситуации произошло внезапно или этот процесс начался давно и связан с геополитической ситуацией, кризисом или внутренними проблемами России?». Этот вопрос мы задали президенту Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге, доктору экономических наук, профессору **Александру Михайловичу ХОДАЧЕКУ**.*

— Во-первых, сегодня мы все еще ощущаем последствия кризиса 2008 года. Инерция связана, прежде всего, с экспортом углеводородов и постепенным снижением цены на них. Если вы помните, в «тучные» годы стоимость барреля нефти была почти 130 долларов, сейчас она подходит к 70. Все бюджетные проектировки назначались от уровня прежних цен. Долгое время такое понятие как дефицит бюджета было не знакомо. И в бюджетах регионов дефицит был тоже достаточно редким явлением, за исключением регионов, где практически отсутствовала налогооблагаемая база, а регионы, в основном так называемые «карликовые субъекты», жили и живут за счет дотаций федерального центра. Но ухудшение экономической ситуации в стране происходило постепенно, начиная с 2010 года.

— По результату, к которому мы сегодня пришли, похоже, ни правительство, ни финансовый блок и другие структуры не смогли ситуацией управлять? Предвидеть последствия?

— Иногда, как правильно вы выразились, кризисы носят взрывной и непредсказуемый характер. Точно так же, как бывают стихийные бедствия, резкие всплески на рынках ценных бумаг, товарных направлений: цен на углеводороды, золото и драгметаллы, зерно и так далее. Это мировая цикличность, она бывает не ярко выраженная, потому что зависит от разных условий спроса на рынке. Она связана еще с преобладанием одной, максимум двух валют, которые являются эквивалентом мировой валюты. Поэтому укрепление или ослабление финансовой системы США по таким позициям, как стоимость долговых обязательств многих

стран, ставок, индекса ФРС и так далее, влияет на экономику этих стран и целых регионов, поскольку они зависимы от позиции Уолл-стрит в части движения денежных средств в мировом пространстве. А Россия — член глобального мирохозяйственного оборота, и со вступлением в ВТО у нас возникли первые проблемы, которые связаны, например, с ограничением поддержки отечественных производителей. К 2020 году поддержка агропромышленного комплекса страны должна составить всего около четырех миллиардов долларов. И мы обязаны создавать равные условия компаниям, которые приходят на наш рынок, и отечественным производителям. Естественно, многие отрасли оказались к этому не готовы. Усилилась конкуренция, она задела страховую рынок, производство, агропромышленный комплекс, ритейл. Повлияла также мировая неблагоприятная для нас конъюнктура, связанная с ценами, последовательно в течение трех лет снижались цены на углеводородное сырье.

Вторая проблема, которая встала перед регионами — это необходимость выполнения майских указов президента, принятых в 2012 году, когда значительные средства региональных бюджетов должны были быть отвлечены на выполнение социальных обязательств государства, которые были переложены на уровень регионов. Как по мановению волшебной палочки бюджеты почти всех регионов Российской Федерации стали дефицитными. Необходимо выполнять эти социальные обязательства по контрольным цифрам, по показателям, на основе которых в том числе, определяется рейтинг губернаторов. Ведется жесткий мониторинг

по важнейшим направлениям: средняя зарплата бюджетников, эффективность высших учебных заведений, состояние здравоохранения и внедрение инноваций, то есть уровень продукции инновационного назначения в общем объеме производства продукции у конкретного предприятия и региона в целом, снижение административных барьеров для бизнеса. На фоне достаточно жестких условий по экономии средств на развитие в регионах сократилась адресная инвестиционная программа. При этом ужесточились условия получения заемных средств не только у региональных банков, но и таких крупных системообразующих банков, как ВТБ, ВЭБ, Сбербанк, то есть тех, кто традиционно мог финансировать крупные инфраструктурные проекты межрегионального значения.

Ну, а дальше были введены санкции со стороны Евросоюза и США. Не могу сказать, что они сразу ударили по экономике, но возникли барьеры хозяйственных связей между предприятиями, поставщиками и потребителями. Это коснулось предприятий военно-промышленного комплекса и предприятий, которые выпускают продукцию и используют технологии двойного назначения. Речь идет о получении элементной базы и комплектующих. И если мы это у себя не производили, то должны были либо налаживать отечественное производство, либо искать новых поставщиков в тех странах, которые не вводили санкции против нашей страны. Проблемой стали расчеты по незавершенным контрактам и недопоставленной продукции, особенно в судостроении, авиастроении и автопроме.

Отсюда сложности с формированием бюджетной трехлетки на 2015–2017 годы, когда ориентировки были привязаны сначала к одной цене нефти, затем к другой, и мы сейчас должны искать резервы внутри страны на поддержку отечественного товаропроизводителя, в том числе в рамках государственного заказа — программы импортозамещения. Речь идет и об агропромышленном комплексе, поскольку мы в рамках контрсанкций отказались от продовольственной продукции ряда стран, и не можем не поддержать своего товаропроизводителя. Сиюминутно решить вопросы продовольственной безопасности невозможно, на это потребуется иногда и год–два, а то и больше по разным направлениям. Необходимо дополнительное финансирование АПК, в том числе на импортозамещение продовольствия и реализацию доктрины продовольственной безопасности РФ, принятой в 2008 году. Если по производству яиц, молока, птицы это возможно сделать быстро, то по остальным направлениям — свиноводству, крупному рогатому скоту — потребуется больше времени, поскольку нужно наладить выпуск кормов, фуражного зерна и провести различные мероприятия по поддержке российского АПК в рамках программы развития плодородия почв и госпрограммы по развитию АПК на 2015–2020 годы.

— Предлагается ли общая программа выхода из кризиса, и как мы дальше будем жить в условиях денежного дефицита?

— Если говорить о перспективах развития страны, то, действительно, сегодня нет документа, утвержденного правительством на расчетный период — до 2030–2035 годов. Но совсем недавно минэкономразви-

тия опубликовало прогноз социально-экономического развития до 2030 года, даже толщина этого документа — более 400 страниц, говорит о том, что документ серьезный с точки зрения аналитики, и важно, что приняты стратегии развития всех восьми федеральных округов, кроме Крыма. В рамках стратегий есть направления по отраслевому принципу развития территорий и региональный разрез, есть крупные инвестиционные проекты. Если говорить о Петербурге и Северо-Западе, то это стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа, утвержденный план мероприятий и перечень крупных инвестиционных проектов.

В июне президент подписал закон о стратегическом планировании, который упорядочивает подготовку ряда стратегических перспективных документов, как на уровне страны в целом, так и на уровне субъектов, федеральных округов, и даже муниципальных образований. И мы сегодня возвращаемся все-таки к элементам планирования, нормирования, к балансовому методу, и это хорошо, потому что в условиях дефицита ресурсов элементы планирования очень нужны.

Одновременно в рамках поправок к Градостроительному кодексу РФ все регионы должны разработать и утвердить схемы территориального планирования, а в городах — генеральные планы. Очередь — за муниципальными образованияами, в том числе крупными, потому что без этих документов невозможно осуществлять любые действия с земельными ресурсами — ни под инвестиционные цели, ни под арендные отношения, ни под государственные нужды.

Что еще важно отметить: в стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года поставлена задача увеличить выпуск инновационной продукции до 30 процентов от общего объема выпускаемой продукции (сегодня по Санкт-Петербургу — около 15 процентов). Эта работа требует существенного обновления основных фондов, переподготовки кадров, иногда покупки, иногда передачи новых технологий. Она связана еще с оценкой рынка. Можно оснастить новыми технологиями производство, но не угадать, какая продукция будет конкурентоспособной на международных рынках. А в Петербурге почти вся машиностроительная продукция обладает большим объемом добавленной стоимости, притом здесь мы еще зависим от поставщиков, от контрагентов. Крайне сложно будет обойтись без технологической кооперации с иностранными компаниями, в области изготовления оборудования для работы по добыче углеводородов на шельфе она достигнет 70%. Ситуацию может, на мой взгляд, исправить крупный государственный заказ. Думаю, что не меньше, чем половина промышленных предприятий может работать, в том числе, по заказу министерства обороны, используя двойные технологии, которые успешно потом могут применяться в народном хозяйстве. Хочу напомнить основательно забытую сегодня ситуацию, когда в советские годы все крупные предприятия, в том числе и ОПК, имели свои цеха товаров народного потребления. И эти товары отличались высоким качеством и достаточно оригинальными техническими решениями. Может

быть, снижение поставок импортной техники снова заставит нас вернуться к этой практике? Это могут быть сложные бытовые приборы, которые мы сегодня импортируем. Привлечение предприятий, в том числе и малого бизнеса, к новым разработкам и реализации инновационной продукции позволяет занять эту нишу в условиях снижения конкуренции.

Мы сейчас входим в очень сложный период, когда от нашей промышленности и науки требуется реализация полного цикла выпуска продукции: от исследования, научных разработок — к опытному образцу — внедрению в производство и массовому выпуску. И все эти стадии мы должны не только быстро пройти, но и предусмотреть условия финансирования в рамках государственных и региональных программ.

— Мы возлагаем очень много надежд на импортозамещение. Но в России до 50 процентов отраслей жили (и живут) за счет импорта. Возникнет много проблем. Например, налаживание кооперативных связей, неразвитый внутренний рынок. И как вырастить быстро новых специалистов с новыми мировоззрением и техническими знаниями?

— К сожалению, да, квалифицированных кадров мало. Если сейчас провести рейтингование предприятий машиностроительной отрасли, то можно увидеть, что профили предприятий сохранились только в названии, а по наличию производственной программы и квалификации кадров они такими не являются. Возникают вопросы: насколько это предприятие готово участвовать в кооперации с другими предприятиями отрасли, расположенными на близких территориях? Например, судостроительный кластер Северо-Запада мог бы выполнять любые заказы, в том числе зарубежные, но при наличии различных собственников больше ведет борьбу за госзаказ, нежели за консолидированные действия по выигрышу в крупных международных конкурсах и производству конечного продукта. Если проанализировать то, что мы делаем, так это в основном большие металлоемкие работы, а начинку приобретаем из-за рубежа или ее изготовит сам заказчик. Нужно отходить от этой системы и искать, насколько это возможно, отечественные аналоги, элементы импортозамещения и так далее. Сейчас такие программы реализуются во всех субъектах Российской Федерации и поддерживаются министерством промышленности и торговли. Однако этого недостаточно, нужны консолидированные усилия и министерства образования и науки, и минэкономразвития, и минфина, и определение приоритетов развития хотя бы на пять лет — это немалый срок, чтобы многое сделать с точки зрения подъема промышленности и прежде всего машиностроения.

Большую роль здесь должны сыграть высшие учебные заведения в рамках реализации постановлений правительства о создании малых инновационных предприятий на базе технических вузов, о развитии систем технопарков, инжиниринговых центров, переподготовки, особенно это касается инженерных кадров. Распространенная практика тьюторства крупных предприятий в вузах, создание базовых кафедр, определение места всех видов практик для студентов — все это существенная возможность повысить качество подготовки кадров для инновационной экономики.

У нас почти разрушена подготовка специалистов в средних профессиональных учебных заведениях, на смену должна прийти система прикладного бакалавриата, а затем с учетом практической деятельности и прикладной магистратуры. В технических вузах, там, где вынуждены перейти на бакалавриат от специалитета — это важное направление, так как могут возникнуть новые формы подготовки и переподготовки кадров в рамках последиplomного образования, особенно по новым направлениям науки и техники. Приоритет должен быть отдан системе патентования, особенно помощи малым предприятиям и предпринимателям, малым научным коллективам в рамках патентной защиты и получения свидетельств на товарный образец. Нужно воссоздать систему бюро патентных поверенных. На территории Петербурга сейчас эта система практически не функционирует. Особую роль здесь должны сыграть территориальные органы Росстандарта.

— Знаете, что немного тревожит, что наибольший объем средств идет на оборонно-промышленный комплекс, и в государственных программах на десятилетия вперед основные приоритеты отданы производству военной техники и оружия. Гражданская продукция составляет не более 25–30 процентов от военной. Не перекося ли?

— Не согласен. ОПК — это наиболее передовые технологии, рабочие места, в том числе их расширение, заработанная плата. Это значит, мы не снижаем уровень потребления сегодня. Создаем условия для повышения квалификации, обучения, формируются уже такие консорциумы как высшее учебное заведение — исследовательские институты или проектные бюро — промышленные предприятия. Они работают и на военные заказы, ничего тут плохого нет. Если мы возьмем Массачусетский технологический университет в США, то 60–70 процентов бюджета лабораторий этого американского университета получены на конкурсной основе для разработки военной тематики, в том числе, от оборонного ведомства США. Это нормальное явление, перекося здесь не будет. Мы приходим к ситуации, когда военные технологии используются в народном хозяйстве, в автомобилестроении, экстремальной медицине, даже в быту.

А государственные программы, которые были сформированы и, надеюсь, будут развиваться, несмотря на сегодняшнюю ситуацию, разве они формируются только с точки зрения военных целей? Например, государственная программа развития арктической зоны Российской Федерации. Это и добыча нефти на шельфе, обустройство северного морского пути, система гидрографического и метеорологического наблюдения, создание пунктов МЧС по всей трассе, формирование геологических поселков, поселков нефтяников, промысловиков, восстановление аэродромов для малой авиации, создание систем базирования пограничных войск и военно-морского флота, направления, которые восстанавливают северный морской путь... И все это новая жизнь для северных и арктических территорий.

Петербург является субъектом номер один по реализации государственной программы развития Арктики. Город предоставляет кадры специалистов, на-

учные и предпроектные разработки, производственные мощности, выпуск различных судов ледового класса, атомных ледоколов, реакторов для плавучих атомных станций, рыбопромысловых судов, танкеров и т. д. Вся палитра здесь есть. Я думаю, что 80 процентов затрат по этой программе будет ориентировано на Петербург.

— **Мы до этого говорили о том, что делать в условиях снижения конкуренции. Но на российский рынок могут прийти зарубежные товары и технологии стран, которые не участвуют в санкциях против нас, Китая, например. И, возможно, санкции могут отменить. Что станет с нашим товаропроизводителем?**

— Вот здесь как раз элементы государственного регулирования и планирования должны работать. Государство теперь должно дозировать открывать рынок. Есть условия и причина это сделать, мы должны научиться работать в рамках ВТО по оказанию поддержки отечественному товаропроизводителю в регионах, что не противоречит нормам ВТО.

— **Время ограничено...**

— Как правило, в экстремальных ситуациях все делается быстро. Я иногда привожу студентам пример: когда началась II Мировая война, потребовалось выпустить маленький командирский автомобиль высокой проходимости типа УАЗика. Первая машина с конвейера сошла через пятьдесят три дня.

У нас есть и другой опыт — 1998 года, когда в условиях снижения конкуренции со стороны западных производителей мы использовали потенциал промышленности и к концу года вышли по результатам на докризисный период. Всего-то за 4 месяца. Когда нужно, включаются элементы директивного управления, жесткой персональной ответственности и отчетности за выделенные ресурсы и конечный результат.

— **Многие российские экономисты, прежде всего, советник президента РФ Сергей Глазьев, отмечают, что импортозамещения не будет, если ЦБ не создаст для поддержки отечественного товаропроизводителя механизм дешевого и длинного рубля? Ваше мнение?**

— Износ основных фондов достигнет в 2014 году 48,5%. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015–2017 годы отчасти пытаются найти решение сложившейся ситуации, в том числе наполнения резервного фонда.

Здесь нужно разделить понятие — товаропроизводитель и ритейлер. Потому что у нас товаропроизводители иногда находятся далеко за пределами нашей родины. Тут как раз нужен барьер оценки качества поступающих к нам товаров. Да, возможно, это дает не столько финансовую поддержку нашим предприятиям, сколько возможность в условиях снижения конкуренции выходить на рынок с отечественной продукцией. Пока для ритейлера существуют драконовские условия. Это и товарный кредит до 60 дней, и низкие цены для участия в промоакциях, различные действия сетевых компаний, которые могут отказаться брать очередные партии товара. Поэтому вход со стороны ритейлера должен быть максимально ослаблен. Вот здесь должна четко работать антимонопольная служба. Это первое.

Второе. Многие наши предприятия, к сожалению, не готовы к оформлению достаточно сложных доку-

ментов, связанных с выделением кредитных ресурсов. Этому нужно учиться, готовить специалистов — юристов, финансистов, экономистов, которые как представители предприятия работали бы с банковским сектором. Тут дело не в самом Центральном банке, есть очень жесткие критерии по выдаче кредитных ресурсов. Напомню, что в кризис 2008 года деньги напрямую не были выделены промышленности, а отдали банкам. Почему? У банков есть очень жесткие обязательства по отношению к ЦБ — система резервирования средств, в том числе через агентство по страхованию вкладов. И при открытии банка резервируются еще средства в ЦБ. Банки, когда они поддерживают конкретные промышленные предприятия, требуют финансовые документы. Если бы мы напрямую отдали деньги промышленным предприятиям, мы бы не увидели ни денег, ни продукции. Но тогда наша банковская система устояла, была поддержка промышленности. Хотя удар был достаточно серьезный. Безусловно, необходимо увеличение возможности рефинансирования банков под залог нерыночных активов в рамках кредитов реальному сектору.

Сегодня банкиры только начинают оценивать, как обоюдные санкции повлияют на качество заемщиков в различных секторах экономики. В 2013 году 30 крупнейших банков предпочитали кредитовать торговый сектор. Зарубежные поставщики, в отличие от российских, работают только на условиях предоплаты.

— **Работает ли сейчас тандем банк–промышленность?**

— Сейчас его нет, так как произошло удорожание кредитных ресурсов. Но через некоторое время возможно это произойдет, если ставка не будет подниматься, сейчас она от 8 до 11 процентов, если банки и предприятия будут знать, что она будет держаться на определенном уровне два–три года. Тогда можно строить какие-то объемы кредитов, где будут обязательства, можно рассчитать затраты, которые необходимы. Ведь беда наших предприятий в том, что у них либо отсутствуют вовсе, либо имеются очень незначительные оборотные средства. Повышая процентную ставку и сжимая денежную массу ЦБ ухудшает условия кредитования реального сектора, что приводит к сокращению инвестиций в производство и росту цен на конечную продукцию. Когда предприятие производит продукцию с большей частью добавленной стоимости, то взять нигде эти дополнительные ресурсы, необходимо сначала реализовать готовую продукцию.

Это большая проблема, поскольку производственный цикл иногда достигает пяти, а то и восьми лет: ледокольные суда, подводные лодки, крупные турбины и много другое. Поэтому предприятиям нужны длинные кредитные ресурсы. Банки на это неохотно идут, поскольку не ясна экономическая и политическая ситуация. Да, у банков консервативная политика, но, на мой взгляд, правильная. Сейчас наводится порядок по сокращению кредитных организаций. За те нарушения, которые есть, вводятся определенные санкции, начиная от внешнего управления до лишения лицензий. ЦБ России это делает и делает справедливо. Во-первых, снижается количество обманутых граждан, снижается объем спекуляций и мошенничества, в том числе

и валютными ресурсами. Многие банки занимаются несвойственными им функциями: перекачкой денег за рубеж, открытием сомнительных счетов, участием в возврате НДС, за что и поплавились отзывом лицензий и возбуждением уголовных дел.

Одним из способов повышения кредитоспособности банков были бы действия по защите сбережений граждан. В Евросоюзе сегодня 100 тысяч евро гарантированная сумма. Если бы наше государство гарантировало гражданам сохранение аналогичного объема средств, причем, они брались бы на депозит по ставке 10–15 процентов, то есть, выше уровня инфляции, я думаю, мы получили бы достаточный объем дополнительных кредитных ресурсов на финансирование реального сектора экономики. Люди вынули бы деньги из «чулка» и снизили бы отток капитала за границу. Пока на это государство не идет.

— Чтобы снизить отток денег за границу, многие ваши коллеги-экономисты и политики предлагают ввести жесткие меры. Будет ли от этого польза?

— Если эти капиталы выводятся легально, ничего плохого не вижу, потому что эти деньги заработаны. Если это деньги от различных видов хозяйственной деятельности, значит, обеспечены рабочие места, платятся налоги, выпускается продукция, оказываются услуги, то есть, производство работает. Это первое.

Второе. Если мы посмотрим структуру иностранных инвестиций, в основном, это реэкспорт капиталов, которые ранее были выведены. Поэтому, я думаю, нужно контролировать, что выводится, за счет каких операций, а чтобы не использовались сомнительные операции, нужно применять все законные механизмы для их предотвращения. Ужесточение мер или ограничения приведут ситуацию в теневой сектор: будут применяться различные схемы увода этих денег, их обналичивания, покупки ценных металлов, проведение фиктивных сделок. Да, отток капитала тревожит — по прогнозу на конец года это около 140 миллиардов долларов. Но при запрете, очевидно, начнутся либо спекулятивные действия, либо криминальные.

Для сокращения оттока финансов из страны надо применять законодательство, у нас для этого есть все условия, ужесточающие наказание. Если банк участвует в противоправных операциях вместе с другими государственными организациями, например, таможней, то нужно ужесточать право занимать определенные должности в банковской системе. А то иногда наблюдаем такую картину: банк закрыли, а банкир уже в той же должности всплывает в другом банке. Почему-то его утверждают территориальные органы ЦБ. Здесь должен применяться запрет на профессию.

— Есть ли перспективы для укрепления рубля и снижения инфляции?

— Инфляция не сегодня началась, мы забыли, что она была 6,6%, и более. У нас идет удорожание сырья, в том числе и бензина до 30% с начала года по отдельным маркам. Государство пытается что-то сделать, увеличивает налоги на подакцизные товары. Увеличивает размеры платежей и налогов для граждан по коммунальным услугам и налога на имущество. Это один из оправданных способов увеличения доходной части бюджета, но при этом аналогичные меры должны

применяться в рамках деятельности предприятий и финансовых структур. У нас иногда очень либеральное отношение бывает к тем же банкам, к различным финансовым кооперативам и пирамидам, назовем их так, почему-то никто их деятельность не останавливает.

Что касается курса рубля, ЦБ оказывает минимальную поддержку курсу рубля. Прямой зависимости курса рубля к ценам на нефть нет, хотя в бюджеты закладываются параметры 100–96 долларов за баррель, мы же наблюдаем снижение почти до 70 долларов по итогам года. А глава «Роснефти» Игорь Сечин к концу первого полугодия 2015 года не исключают падение цены до 60 долларов за баррель и ниже. Есть покупательная способность рубля, есть поступления от налогов, а они у нас в рублях платятся. Это тоже связано с краткосрочными спекуляциями на рынке, и не ясно как будет складываться ситуация на конец года. Кстати, в феврале у нас уже евро стоил 50–52 рубля, и мы забыли об этом, потому что дальше произошло снижение. Есть цикличность, ничего катастрофического.

— То есть, вы оптимистично оцениваете наше будущее?

— Я осторожный оптимист. Если оценивать ситуацию в целом, то, во-первых, ослабевший рубль — это благо для наших товаропроизводителей. Если это не касается импортных товаров и комплектации, товары будут приобретаться по более низким ценам при наличии оборотных средств. Это выход на рынок в условиях снижения конкуренции. Забота об отечественном товаропроизводителе, прежде всего из агропромышленного комплекса. Модернизация вооруженных сил и это устойчивый госзаказ для многих промышленных производств. Петербург — город со сложной многоотраслевой структурой экономики. Но есть моногорода с одним градообразующим предприятием или ЗАТО с предприятиями военно-промышленного комплекса. И здесь поддержка государства очень важна, так как она не только сохранит производство, но и само поселение.

В любом случае определенные антикризисные действия полезны и для организаций, и человека. А то ведь в последние годы мы разучились считать деньги. У населения накоплено огромное количество невозвращенных потребительских кредитов. Типичный пример образа жизни: молодой человек, до 35 лет, снимает квартиру, но ездит на шикарной машине, взятой в кредит, каждый год отдыхает за границей, хотя мог бы взять ипотечный кредит. То есть, его доходы и расходы несопоставимы. Прилавки наших универсамов и универмагов изобиловали товарами высокого ценового диапазона. А если мы сравним количество наименований товаров однородных групп в продовольственной сфере на отечественных прилавках с заграничной, то там увидим два–три наименования и отдельно секция люкс-товаров премиум-класса. Мы сейчас переходим от потребления дорогих товаров к среднему и низкому ценовому диапазону. Надо постараться жить по средствам. Научиться считать деньги и в рамках семейного бюджета, и в рамках своей организации. Тогда, на мой взгляд, эта разумная экономия приведет к положительным результатам.

Подготовила Татьяна ЗЕРНОВА